

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКИЕ КОНФЛИКТЫ СООТНОШЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ И СТРУКТУРНЫХ ФАКТОРОВ

ДАНИИЛ ЧЕРНОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

С повышением числа гражданских конфликтов наблюдается рост использования вооружённого вмешательства третьими сторонами, которые преследуют цели защиты и продвижения своих интересов. Несмотря на потенциальные выгоды, интервенция может привести к негативным статусным и материальным последствиям для вмешивающегося субъекта. В этой связи зачастую внутриполитические факторы накладывают разной степени ограничения на принятие решения о вмешательстве. Автор интегрирует институциональный аспект теории демократического мира и положения неоклассического реализма для рассмотрения соотношения влияния внутренних и внешних факторов на решение об интервенции. Согласно теоретическим предположениям, повышение демократичности институтов оказывает сдерживающее влияние на проведение вмешательства, но влияние структурных стимулов нивелирует данный эффект. Автор статьи прибегает к количественным методам для проверки предполагаемых закономерностей на широком наборе данных. В качестве альтернативных источников для измерения зависимой переменной, в роли которой выступает наличие вмешательства, используются база данных *External Support Dataset* Программы данных о конфликтах в Уппсале, а также база данных «Факторы международного вооружённого вмешательства», разработанная в Институте международных исследований МГИМО. Для измерения характеристик институтов применяются данные *Varieties of Democracy*. В результате анализа статья выявляет неоднородные эффекты различных аспектов институционального устройства на склонность к проведению интервенции, что объясняется различиями в специфике институтов, общественных реакциях и типах вмешательства. Структурные стимулы в большей степени влияют на принятие государствами решения о вмешательстве, но лишь частично снижают эффекты различий в институциональных характеристиках.

Ключевые слова:

вооружённое вмешательство; гражданские конфликты; теория демократического мира; институты; неоклассический реализм; структурные факторы

Статья отражает результаты исследования, выполненного за счёт гранта Российского научного фонда № 22–18-00664, <https://rscf.ru/project/22-18-00664/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2024

Дата принятия к публикации: 18.06.2024

Для связи с автором / *Corresponding author*:

Email: dncernov@gmail.com

Причины применения силы выступают центральной темой в науке о международных отношениях, причём её использование государствами можно считать устойчивым явлением [Levy, Thompson 2010], что нельзя сказать о её формах. После окончания «холодной войны» закономерности задействования силового инструментария между государственными субъектами связаны не с межгосударственными войнами, доля которых снижалась, а с операциями по вмешательству (интервенциями) [Pickering, Kisangani 2009]. Расширение практики их проведения объясняется распространением внутренних гражданских конфликтов, создающих угрозы глобальной и региональной стабильности [Meier et al. 2022].

Данная проблематика вызывает значительный интерес и у отечественных исследователей. В российской литературе значительное внимание уделяется структурным факторам, влияющим на межгосударственное соперничество, усложнению его форм, в том числе за счёт появления различных способов оказывания влияния на контр-агентов. Таким образом, возникает потребность в концептуализации и операционализации понятия «вмешательство» [Бартенев 2018; Сафранчук, Лукьянов, 2021а; Сафранчук, Лукьянов, 2021б; Истомин 2023а, Сучков 2024; Чеснаков, Пареньков, 2024]. Российские исследователи также изучают правомерность некоторых форм вмешательства, в частности гуманитарных интервенций, с точки зрения международных норм [Ананьева 2009; Шайымбетова 2009; Крылов 2012; Орлова 2017; Чернявский, 2021]. Следует отметить работы, в которых данное явление рассматривается в исторической ретроспективе [Истомин 2023б; Safranchuk, Sushentsov 2024]. Публикуются исследования по оценке эффективности вооружённого вмешательства [Никитин 2011; Скулаков 2015; Никитин 2016а; Никитин 2016б; Худай-

кулова 2019; Мустафина, Мальцев 2023; Chernov et al. 2023].

Между тем использование количественных методов для изучения интервенций в большей степени распространено среди зарубежных исследований, которые в основном проверяют на эмпирическом материале теории межгосударственных войн¹. Например, вмешательство объясняется базовым стремлением государств обеспечить собственную безопасность и расширить зону влияния [Kathman 2010, 2011]. Оно может быть также обусловлено материальными интересами и взаимозависимостью субъектов: объёмом двусторонней торговли или наличием ресурсов на территории, затронутой конфликтом [Findley, Marineau 2015; Stojek, Chacha 2015; Bove, Gleditsch, Sekeris 2016]. В рамках диадного подхода, при котором единицами наблюдения считаются пары государств, опыт предшествующего взаимодействия между ними способен стать причиной интервенции. В частности, у внешнего игрока может возникнуть намерение оказать помощь союзному [Klosek 2020] или противодействие враждебному режиму [Findley, Teo 2006; Salehyan, Gleditsch, Cunningham 2011]. Перечисленные факторы относятся к категории внешних, или структурных. В России также появляются работы по квантификации вооружённого вмешательства с помощью систематического сбора данных [Сафранчук 2022; Сафранчук 2023; Чернов 2023].

При этом одинаковые структурные условия иногда порождают разные реакции государств. Подобные различия отчасти объясняются особенностями внутренней политики субъектов взаимодействия. В ходе третьих «великих дебатов» в науке о международных отношениях внутриполитические факторы не выдвигались на первый план, так как обращение к ним считалось проявлением редукционизма [Waltz 1979]. Тем не менее с момента

¹ Имеются в виду теории, основанные на различных теориях международных отношений: реализме, неореализме, оборонительном и наступательном реализме, либерализме, неолиберализме [Levy, Thompson 2010].

зарождения классических структурных теорий внутриполитические характеристики неоднократно показывали свой объяснительный потенциал в моделях внешней политики [Fearon 1998].

Из теоретических построений, учитывающих внутриполитические составляющие, следует в первую очередь выделить теорию демократического мира. Как писал Джек Леви, она ближе всего приблизилась к статусу эмпирического закона в международных отношениях [Levy 1988]. Существует ряд обоснований низкого уровня насилия между демократическими государствами. Их можно разделить на нормативные, институциональные и информационные [Maoz, Russett 1993; Schultz 1999]. В первом случае демократии избегают вооружённого столкновения друг с другом ввиду сдерживающего влияния норм компромисса и сотрудничества, присущих таким режимам [Maoz, Russett 1993]. Второй подход акцентирует сдерживающий характер институтов, которые повышают риски для выживания элит в случае принятия непопулярных решений об инициации военных операций [Bueno de Mesquita, Lalman 1994; Schultz 1998]. Наконец, сторонники информационных объяснений обращают внимание на коммуникационный аспект демократии. Открытость позволяет передавать достоверные сигналы о предпочтениях, снижая неопределённость в кризисных условиях [Fearon 1994; Schultz 1998]. В России дискуссия о значимости режимных факторов также получила развитие [Кулагин 2000; Кулагин 2004; Окунева 2015].

Внутриполитические переменные были соединены с положениями неореализма, что привело к появлению неоклассического реализма. В нём различные структурные

стимулы трансформируются под влиянием вмешивающихся переменных, в частности характера внутригосударственных институтов, восприятия элит и стратегической культуры [Романова 2012; Конышев 2020; Rose 1998; Lobell, Ripsman, Taliaferro 2009; Foulon 2015].

Внутриполитические факторы аналогичным образом использовались для обоснования различий в подходах государств к проведению вооружённого вмешательства. Например, согласно исследованию Джун Коги, демократии в большей степени склонны поддерживать этнически близких повстанцев, а автократии скорее заинтересованы в наличии легкодобываемых ресурсов² на территории конфликта [Koga 2011]. Тем не менее без учёта других переменных практически невозможно установить влияние типа политического режима на проведение страной политики интервенционизма [Koga 2011]. Винченцо Бове и Тобиас Бёмельт предполагают, что характер того или иного режима может обуславливать восприятие объективных угроз³, исходящих от гражданского конфликта, и связанное с ним решение о вмешательстве, но не находят этому тезису эмпирических свидетельств [Bove, Böhmelt, 2017]. Оген Голдман и Уриэль Абулоф в своей работе показывают значимость диадной логики: демократии чаще поддерживают другие демократические правительства, находящиеся в состоянии гражданской войны [Goldman, Abulof 2016]. При этом демократия может быть определена как политическая система, в которой политические лидеры избираются гражданами на основе всеобъемлющего права голоса на свободных и справедливых выборах при гарантии свободы собраний и свободы слова [Coppedge et al. 2021]⁴.

² Например, алмазов.

³ В частности, наплыв беженцев из страны, в которой идёт гражданская война.

⁴ Понятие демократии имеет множество определений. Например, демократия «как борьба политиков за голоса» Й. Шумпетера [Schumpeter 2008], демократия «как система, где партии проигрывают выборы» А. Пшеворского [Przeworski 1991], демократия как «система, основанная на конкуренции и участии» Т. Ванханена [Vanhanen 2000]. Приводимое определение принадлежит проекту Varieties of Democracy, данные которого используются в работе для операционализации независимых переменных.

В перечисленных исследованиях применяются агрегированные индексы режимов, обобщающие различные характеристики в один показатель. Вместе с тем в таких условиях остаётся неясным, отличается ли влияние некоторых внутригосударственных институтов на внешнеполитические решения. В статье Каспера Сакструпа и Якоба Толструпа осуществляется детализация влияния отдельных режимных характеристик на проведение вооружённых интервенций [Sakstrup, Tolstrup 2022]. В их работе на базовом уровне показана отрицательная взаимосвязь между демократичностью и склонностью к интервенции [Sakstrup, Tolstrup 2022]. В то же время значимый отрицательный эффект на вероятность вмешательства также оказывает наличие электоральной конкуренции, независимых медиа и механизмов контроля за исполнительной властью [Sakstrup, Tolstrup, 2022].

В настоящей статье автор стремится внести вклад в теоретические дискуссии о соотношении внутриполитических и структурных факторов и обратить внимание на новые эмпирические закономерности. Предлагается синтезировать описанные ранее объяснительные модели интервенций. В некоторых из перечисленных выше работ изучалось влияние типа режима или отдельных измерений политической системы государства на принятие внешнеполитических решений. В другой группе тип режима выступал в качестве вмешивающейся переменной, которая по задумке учёных трансформирует воздействие внешних (структурных)⁵ факторов. Автор объединяет набор структурных пере-

менных и отдельных институциональных характеристик для выявления закономерностей. Иными словами, ставится вопрос, какие именно институциональные компоненты взаимодействуют со структурными факторами при осуществлении вмешательства. Эмпирическая новизна заключается в проверке гипотез исследования одновременно на двух наборах данных, *External Support Dataset (ESD)* и «Факторах международного вооружённого вмешательства» МГИМО МИД России, кодирующих вооружённые и невооружённые интервенции. Один из них уже давно используется в количественных исследованиях конфликтов, а второй ранее не применялся в таком анализе. Верификация гипотез при помощи двух баз данных позволит дополнить работу описанием значимых различий между разными типами вмешательства, что также ранее не рассматривалось для этого набора независимых переменных.

В следующем разделе представлены методологическая основа статьи, проверяемые гипотезы и связанная с ними теоретическая конструкция.

Методология исследования и теоретическая аргументация

Теоретическую основу исследования составляет неоклассический реализм. Он развивает положения неореализма, дополняя анализ исходной структурной переменной влиянием вмешивающихся переменных [Rathbun 2008]. Распределение сил в международной системе воспринимается государствами не напрямую, но под влиянием внутренних факторов [Taliaferro 2000].

⁵ В рамках настоящего исследования внешние и структурные факторы являются синонимами. Структура при этом рассматривается не в узконеореалистском понимании распределения потенциалов в условиях анархии [Waltz 2004], а как совокупность факторов, следующих из взаимодействий между государствами, то есть являющимися внешними по отношению к ним. Данное понимание придерживался основоположник количественного изучения международных отношений Д. Сингер [Singer 1961]. Такое понимание системного, или структурного, уровня анализа заложено в целом ряде исследовательских проектов на основе количественных методов, например в проекте «Correlates of War», где в качестве структурных факторов рассматриваются альянсы, объём торговли, географическая близость, и они понимаются как внешние, то есть находящиеся вне государств [Singer 1972]. Можно говорить о том, что в исследованиях на основе количественных методов именно такое понимание структурных факторов стало основным. Его придерживается ряд исследователей [Singer 1972; Berkowitz 1986; Temby 2013]. Автор настоящей статьи следует сложившейся традиции.

Использование этой теоретической оптики для решения конкретной исследовательской задачи предполагает простую, но эффективную модель. Например, Колин Дук в работе, посвящённой вооружённым интервенциям, которая опирается на неоклассический реализм, показывает, что национальные интересы и внешние угрозы, воспринимаемые элитами с рядом искажений, трансформируются в решение о вмешательстве под влиянием ограничений, накладываемых внутренней политикой [Dueck 2009].

Данную модель можно дополнить с учётом эмпирического материала статьи. Согласно диадной логике, применяемой в настоящем исследовании, возникновение гражданской войны в отдельной стране является внешним стимулом для всех остальных независимых государств. Восприятие третьими сторонами угрозы, исходящей от конфликта-стимула, может формироваться под влиянием множества внешних факторов, восприятие и оценка которых обуславливается внутренними параметрами государства.

Какова в таком случае роль внутриполитических характеристик страны в восприятии угрозы и дальнейшем решении о применении силы? Для ответа на этот вопрос автор опирается на теорию демократического мира и, в частности, её институциональный вариант. В соответствии с институциональным подходом наличие в демократиях репрезентативного правительства, а также системы сдержек и противовесов накладывает высокие издержки на лидеров, принимающих непопулярные решения о применении силы [Levy 1988]. Действия автократов, в свою очередь, в гораздо меньшей степени ограничены общественным мнением или альтернативными центрами политической власти, возникающими в результате системы разделения властей, поэтому они могут приниматься с опорой на предпочтения узкого круга лиц [Levy 1988].

Рассмотрим несколько институциональных характеристик, которые могут быть использованы в качестве ограничителей для силовой внешней политики. В первую очередь необходимо обратить внимание на систему разделения властей. Независимость законодательной и судебной ветвей от исполнительной, обеспечивающей реализацию политических решений, позволяет осуществлять контроль над деятельностью последней и представлять альтернативные позиции по поводу значимых общественно-политических вопросов. В институциональной аргументации также учитываются гражданский контроль и репрезентативность институтов. Соответственно, политический активизм, регулярные и свободные выборы выделяют граждан в отдельный центр силы, накладывающий ограничения на принятие политических решений. Предлагается рассмотреть два аспекта политического участия: институционализированное и неинституционализированное. Первый охватывает традиционную политическую активность, например выборы, в то время как второй акцентирует более активное непосредственное вовлечение граждан в политику — демонстрации, подписание петиций и протесты [van Deth 2014].

Наличие независимого парламента является инструментом сдерживания исполнительной власти во внешней политике страны. Приведём несколько примеров функционирования полномочий законодательного органа. В 2003 г. турецкий парламент отклонил предложение о присоединении к военной операции под эгидой США в Ираке, ранее поддержанное представителями исполнительной власти и правящей Партии справедливости и развития [Kesgin, Kaarbo 2010]. Решение законодательного органа привело к отказу некоторых европейских государств от участия в бомбардировках против ИГИЛ⁶ на территории Ирака и Сирии в 2014–2015 годах⁷ [Haesebrouck

⁶ Запрещённая в России террористическая организация.

⁷ Австрия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Испания, Италия, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Финляндия, Чехия, Швеция.

2016: 7]. Ряд исследователей утверждают, что отрицательная взаимосвязь между наличием у парламента полномочий в сфере применения силы и склонностью к военным акциям указывает на наличие «парламентского мира» [Kaarbo, Beasley 1999; Dieterich, Hummel, Marschall 2015; Wagner 2018]. На основе этих свидетельств сформулируем следующую гипотезу.

Гипотеза 1: усиление независимости законодательной власти в государстве приводит к снижению его склонности к вмешательству в гражданские конфликты.

Влияние судебной власти на внешнюю политику является скорее опосредованным. Суды не участвуют в формировании внешней политики, но могут накладывать ограничения на поведение других субъектов в этой сфере. К функциям судебной власти, как правило, относят рассмотрение принимаемых законов и политических решений на предмет соответствия конституционному порядку. Можно привести несколько примеров из судебной истории США как одной из стран, наиболее активно прибегающих к вооружённым интервенциям. В 2004 г. по делу *Rasul v. Bush* Верховный суд США постановил, что иностранные граждане, содержащиеся в тюрьме Гуантанамо, могут оспаривать своё заключение в этом объекте в американских судебных инстанциях⁸. В 2018 г. президент Трамп принял решение отменить исключение торгового представителя США относительно солнечных батарей и повысить тарифные ставки на данную технику⁹. Верховный суд заключил, что президент в данном случае превысил свои полномочия¹⁰. Соответственно, независимость судебной власти накладывает ограничения на спектр доступных внешнеполитических решений.

Гипотеза 2: усиление независимости судебной власти в государстве приводит к снижению его склонности к вмешательству в гражданские конфликты.

Отдельного рассмотрения заслуживают ограничительные механизмы, связанные с политическим участием граждан. Наличие устойчивых институционализированных форм участия выступает ключевой и определяющей характеристикой демократии. Согласно минималистическому определению Адама Пшеворского, «демократия — это система, в которой партии проигрывают выборы» [Przeworski 1991]. Избирательный процесс — ключевой механизм агрегации интересов населения и одновременно основной инструмент контроля за политическими элитами. Такие затратные внешнеполитические решения, как войны и интервенции, могут негативно отразиться на политической выживаемости элит на следующих выборах [Bueno de Mesquita, Siverson 1995]. Количественные исследования статистически подтверждают тезис, что власти придерживающиеся действительно учитывают предпочтения граждан при принятии решений [Chu, Recchia 2022].

Гипотеза 3: с повышением электоральной конкуренции в государстве снижается его склонность к вмешательству в гражданские конфликты.

Голосование на выборах считается базовой и одной из наиболее распространённых форм политического участия. Подобная активность редко сопряжена с физическими рисками для участников, а регламентация процедуры довольно высока. Вместе с тем граждане способны принимать более прямое участие в политической жизни страны и выражать свою позицию

⁸ *Rasul v. Bush*, 542 U.S. 466 (2004) // Justia. U.S. Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/542/466/> (accessed: 09.05.2024).

⁹ Proclamation 9693 To Facilitate Positive Adjustment to Competition From Imports of Certain Crystalline Silicon Photovoltaic Cells (Whether or Not Partially or Fully Assembled Into Other Products) and for Other Purposes // Authenticated U.S. Government Information. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201800044/pdf/DCPD-201800044.pdf>. (accessed: 09.05.2024).

¹⁰ *SOLAR ENERGY INDUSTRIES ASSOCIATION, NEXTERA ENERGY, INC., INVENERGY RENEWABLES LLC, and EDF RENEWABLES, INC. v. United States* // United States Court of International Trade. URL: <https://www.cit.uscourts.gov/sites/cit/files/21-154.pdf>. (accessed: 09.05.2024).

путём менее официальных форм деятельности. В частности, протестная активность рассматривается как способ выражения недовольства политическим курсом. Открытое и активное политическое участие является дополнительным коммуникационным каналом, с помощью которого политики определяют предпочтения населения и корректируют свой курс с целью избежания рисков для собственного политического выживания. Непосредственная политическая вовлечённость институционализируется посредством гражданских ассоциаций и организаций, облегчающих мобилизацию активистов.

Гипотеза 4: с повышением в государстве свободы ассоциаций снижается его склонность к проведению вооружённого вмешательства.

Каким образом можно интегрировать структурные стимулы в данную модель? Можно предположить, что при разных внешних переменных роль внутриполитических ограничителей будет различаться. Автор полагает, что в условиях действия факторов национального интереса или угрозы, например увеличения потоков беженцев в результате гражданского конфликта, снижается значимость внутриполитических переменных, их эффекты нивелируются. Таким образом, при одинаковых структурных стимулах различия в типе режима будут являться несущественными.

Какие отдельные внешние факторы можно считать значимыми? Автор предлагает считать таковыми альянсы, колониальные отношения, а также географическую близость между субъектом и объектом вмешательства. Выбор этих трёх компонентов объясняется их теоретической и эмпирической значимостью для моделирования вмешательства. Данные параметры используются в качестве стандартных контрольных переменных, что указывает на наличие консенсуса относительно их эмпирической ценности.

Альянсы выступают способом структурирования интересов государства, формальными обязательствами по взаимопо-

мощи или взаимоподдержке [Morrow 2000]. Уолт утверждает, что подобные объединения субъектов представляют собой следствие соотношения сил или угроз, то есть структурных факторов [Walt 1987]. Начало конфликта в стране притягивает внимание её союзников, желающих сохранить статус-кво путём урегулирования внутренней нестабильности в союзном государстве.

Колониальные отношения выступают прокси-переменной для нескольких значимых факторов. Исторические колониальные связи формировали особый тип политических отношений, зачастую обеспечивающих сохранение зависимого положения бывшей колонии после освобождения, и социокультурных связей. Они могут формировать основу сферы интересов государства, в которой последнее осуществляет контроль, исключая влияние других субъектов [Jackson 2019].

Географическое расстояние одним из первых получило систематическое эмпирическое изучение в рамках литературы по вооружённым интервенциям [Pearson 1974]. Территориальная близость одновременно повышает заинтересованность государства в событиях, которые могут оказать на него прямое влияние, и снижает логистические издержки от применения военной силы [Pearson 1974]. Этот фактор усиливает восприятие угрозы на фоне других внешних стимулов, усилившихся в связи с началом гражданского конфликта [Kathman 2010].

Перечисленные выше три показателя (наличие альянса, историческая колониальная зависимость, географическая близость) имеют однородную структуру эффектов и поэтому сводятся в единую категорию — внешние, или структурные, факторы (см. сноску 4). При этом однородность их эффектов позволяет представить их в виде одной гипотезы.

Гипотеза 5: внешние факторы снижают влияние внутриполитических характеристик государства на его склонность к вмешательству.

В следующем разделе представлены операционализация переменных, источники данных и методы проверки гипотез.

Данные и анализ

Для верификации предположений, сформулированных выше, используется несколько источников данных. Первый – база данных *External Support Dataset (ESD)* Программы данных о конфликтах в Уппсале (*UCDP*) [Meier et al. 2022]. Она покрывает период с 1975 по 2017 год, содержит 10 363 наблюдения по 2234 конфликтным диадам [Meier et al. 2022].

ESD – один из наиболее полных и новых наборов данных по вмешательству, включающий как военные, так и невоенные формы интервенций. Данные о вмешательстве в ней кодируются на основе информации из публикаций медиа и негосударственных организаций, отчётов «мозговых центров» и государственных органов [Meier et al. 2022]. В базе данных используется двухступенчатая процедура проверки, обеспечивающая надёжность оценок нескольких кодировщиков (*intercoder reliability*) [Meier et al. 2022].

Основная переменная, представляющая интерес, – бинарный индикатор внешней поддержки. К вмешательству относятся следующие действия: прямое вооружённое вмешательство (перемещение регулярных войск на территорию конфликта); предоставление доступа к военной инфраструктуре, разведанным; предоставление доступа к территории интервента; поставки вооружений; материальная или логистическая поддержка; организация военной подготовки или консультирование [Meier et al. 2022]. Основной структурной единицей в базе выступает конфликт-год.

Для целей настоящей статьи оптимальным является использование диадного дизайна. Подобное структурирование базы предполагает, что каждому независимому государству, существующему в конкретный год в рамках временного промежутка базы,

приписывается ненулевая вероятность вмешательства в каждый из гражданских конфликтов, активных в тот же год. Бинарная зависимая переменная принимает значение 1 для тех государств, которые осуществляли вмешательство в соответствии с хотя бы одним из описанных выше критериев, при этом остальные получают значение 0. Подобная структура позволяет получить набор наблюдений случаев как наличия, так и отсутствия вмешательства во внутренний вооружённый конфликт. К кейсам относятся произошедшие интервенции, а нон-кейсами называются случаи возможного, но не реализованного вмешательства.

В базе данных *UCDP* понятие «вмешательство» трактуется слишком широко, по сути включая в себя все значимые инструменты воздействия на процесс гражданского конфликта, которые доступны третьим сторонам. В этой связи для проверки гипотез в статье также применяется база данных «Факторы международного вооружённого вмешательства», разработанная в Институте международных исследований МГИМО МИД России научным коллективом при Центре евроазиатских исследований¹¹. Она кодирует кейсы, то есть случаи проведения, и нон-кейсы, то есть случаи непроведения, вмешательства во временном промежутке с 1992 по 2023 год.

В базе использовано следующее определение вооружённого вмешательства: направление военных сил с целью оказать воздействие на ход конфликта государством, которое не являлось изначально прямым участником данного конфликта, реализуемое при следующих условиях: а) отсутствие согласия всех основных противоборствующих сторон, б) отправка регулярных вооружённых сил или официально санкционированная государством отправка сил ЧВК, в) наличие у направля-

¹¹ Факторы международного вооружённого вмешательства. Москва, Россия. Данные в формате PostgreSQL. Режим доступа: закрытый; База данных находится на стадии патентования, планируется публикация в конце 2024 года. Основные этапы методологической работы отражены в отчётах научной группы [Сафранчук 2022; Сафранчук 2023]. С использованием данной базы к настоящему времени подготовлен ряд исследовательских статей с использованием количественных, а также количественных и качественных методов [Chernov et al. 2023; Safranchuk, Nesmashnyi, Chernov 2023; Сафранчук, Несмашный, Чернов 2023; Чернов и др. 2023].

емых права на применение летальной силы, г) наличие военного и/или политического конфликта до начала операции. Подобные условия для кодирования вмешательства представляют более серьёзный тест для представленной в статье теории. Основной единицей наблюдения в базе данных является интервенция.

Как и в случае с *ESD*, автор трансформирует структуру данных в диадную для более точного отражения процесса принятия решений государств и включения в выборку всех возможных наблюдений. Структура кодирования зависимой переменной в обеих базах приведена к единому формату для обеспечения максимально корректного сравнения результатов. Из *ESD* также исключаются кейсы вооружённых интервенций, совпадающие с «Факторами международного вооружённого вмешательства». Таким образом, *ESD* представляет исключительно невооружённые формы вмешательства.

В качестве источника данных по независимым переменным используется база данных *V-Dem*. Она представляет собой институциональные показатели всех независимых государств мира с 1789 по 2022 год. В ней присутствуют несколько видов индикаторов, собираемых различными способами. При составлении индикаторов, оценивающих отдельные параметры политической системы, используются либо фактические данные, либо оценки страховых экспертов.

Для снижения влияния субъективного фактора задействованы несколько страновых экспертов (как минимум пять), проводится их рекрутирование на основе релевантного опыта, учитываются наличие гражданства страны кодирования и политическая независимость, поддерживается баланс между экспертами, имеющими академический и практический опыт работы [Corppedge et al. 2021]. Для агрегирования низкоуровневых оценок задействованы байесовские ординальные модели IRT, учитывающие неопределённость и различную достоверность оценок экспертов [Corppedge et al. 2021].

Выбор *V-Dem* объясняется несколькими причинами. Эта база данных предлагает большой набор низкоуровневых индикаторов, позволяющих оценить влияние различных институциональных аспектов режима. Эти показатели являются более точными по сравнению с теми, что представлены в других базах (например, *Polity*), с эмпирической точки зрения, позволяя уловить вариативность среди государств с высокими уровнями демократичности [Vassago 2021]. Таким образом, возможно определение тонких различий между государствами по отдельным институциональным измерениям.

В табл. 1 представлены четыре независимые переменные, используемые для проверки гипотез. В таблице указаны названия, которые позже будут использоваться в регрессионных моделях, полные описания переменных, а также гипотезы, к которым относятся каждая из переменных.

Следует отметить, что переменные «Электоральная конкуренция» и «Свобода ассоциаций» операционализируют не степень политического участия, а скорее отсутствие институциональных ограничений на те или иные формы политической активности. Электоральная конкуренция регулирует конвенциональные и институционализированные модели политического поведения. Учёт свободы ассоциаций в анализе позволяет оценить возможности для неконвенциональных, неинституционализированных форм участия, которые предполагают более прямое вовлечение в политический процесс.

Для операционализации внешних факторов используются ряд источников. В случае с альянсами задействована база данных *Alliance Treaty Obligations and Provisions (ATOR)*, кодирующая подобные союзы между парами стран с 1942 по 2018 год [Leeds et al. 2002]. В *ATOR* под альянсами понимаются «письменные соглашения, подписанные официальными представителями как минимум двух независимых государств, включающие обещания оказать помощь партнёру в случае военного конфликта, сохранять нейтралитет в слу-

Таблица 1
Описание независимых переменных V-Dem

Показатель	Название в моделях	Описание	Гипотеза
<i>v2xlg_legcon</i>	Независимость законодательной власти	индекс полномочий легислатуры, отражающий независимость парламента и его способность к контролю за исполнительной властью	Гипотеза 1
<i>v2x_jucon</i>	Независимость судебной власти	индекс полномочий судебной власти, отражающий её независимость от исполнительной ветви и способность контролировать последнюю	Гипотеза 2
<i>v2x_polyarchy</i>	Электоральная конкуренция	индекс электоральной демократии, отражающий степень электоральной конкуренции, свободы выборов и отсутствия электорального принуждения	Гипотеза 3
<i>v2x_cspart</i>	Свобода ассоциаций	индекс свободы гражданского общества, отражающий возможности для создания независимых негосударственных организаций, способных участвовать в гражданской и политической жизни	Гипотеза 4

Источник: составлено автором.

чае конфликта, воздерживаться от военных конфликтов друг с другом или консультироваться/сотрудничать в случае международных кризисов, создающих потенциал для военного конфликта» [Leeds et al. 2002].

Кодирование подобных союзов с учётом наличия письменного договора исключает внесение в базу неинституционализированных или неформальных соглашений, которые могут регулировать отношения между двумя странами. Тем самым обеспечивается повышенная точность и снижается пространство для некорректного присвоения индикаторов [Leeds et al. 2002]. Переменная является бинарной: 1 – наличие формального альянса между потенциальным интервентом и страной гражданского конфликта, 0 – отсутствие.

В качестве источника данных по историческим колониальным отношениям применяется *ICOW Colonial History Data Set* [Hensel, Mitchell 2007]. Набор данных кодирует территориальные связи между независимыми государствами в рамках проекта *Correlates of War* [Hensel, Mitchell 2007]. Он является надстройкой над исходной базой *Colonial Contiguity Data Correlates*

of War (COW), рассматривающей зависимости через территориальную сопряжённость¹². Использование этого набора данных позволяет проследить всю структуру исторических территориальных зависимостей, которые позже могут воспроизводиться в виде сфер влияния. Переменная является бинарной: 1 – наличие исторической колониальной зависимости между потенциальным интервентом и страной гражданского конфликта, 0 – отсутствие.

Для операционализации географической близости автор руководствуется понятием территориальной сопряжённости – наличием общей водной или наземной границы. В качестве источника данных используется *Direct Contiguity dataset COW*. Переменная является бинарной: 1 – наличие территориальной сопряжённости между потенциальным интервентом и страной гражданского конфликта, 0 – отсутствие.

Эти три параметра имеют однородное влияние по отношению к зависимой переменной. В этой связи автор объединяет их в единый индекс путём сложения (внешние факторы). В качестве дополнительной контрольной переменной в статье используется объём ВВП на душу населения, даю-

¹² Colonial/Dependency Contiguity (v3.1) // Correlates of War. URL: <https://correlatesofwar.org/datasets/colonial-dependency-contiguity/> (accessed: 10.05.2024).

щий косвенную оценку обобщённого государственного потенциала [Bolt, van Zanden, 2020].

Гипотеза 5 проверяется посредством введения в модели переменных взаимодействия. Последние применяются в эконометрике для изучения влияния третьей переменной на взаимосвязь между основной независимой и зависимой соответственно. Переменной-модератором являются внешние факторы, которые оказывают влияние на взаимосвязь внутриполитических характеристик государства и его склонности к проведению вмешательства. Для описания переменных взаимодействия в таблице с результатами используется обозначение «*», которое размещается между двумя названиями переменных.

В целом в работе используются четыре модели. В первых двух моделях тестируется влияние независимых переменных на невооружённое вмешательство, кодируемое на основе *ESD*. Во второй паре моделей (3–4) тестируется влияние независимых переменных на вооружённое вмешательство, кодируемое на основе «Факторов международного вооружённого вмешательства».

В качестве основного инструмента анализа в работе используется логистическая регрессия, оцениваемая методом максимального правдоподобия со штрафами, в роли которых выступают параметры априорной вероятности Джеффриса. Выбор метода максимального правдоподобия со штрафами связан со спецификой структуры данных. В международных отношениях исследователи зачастую сталкиваются с так называемыми редкими событиями, к которым в том числе относятся войны и крупномасштабные конфликты. Их редкость в случае бинарной переменной означает, что распределение смещено в пользу не-событий или нон-кейсов, то есть нулей. Использование стандартных моделей в таких условиях может приводить к недооценке вероятностей событий и к появлению смещённых коэффициентов.

Тем не менее существует вероятность, что использование диадной структуры дан-

ных, которая может содержать около 100 тыс. наблюдений, в логистической регрессии приводит к переоценке статистической значимости и, как следствие, к неверным заключениям о взаимосвязях. Для устранения этой проблемы используются групповые стандартные ошибки в логистической регрессии. В данной процедуре слегка изменяется расчёт стандартных ошибок, которые играют ключевую роль в определении значимости коэффициентов. Вместо общего количества наблюдений при расчёте применяется количество групп наблюдений. В данном исследовании к таким группам относятся повторяющиеся пары субъект–объект интервенции. Таким образом, учитывается иерархический характер структуры данных и исключается завышение значимости коэффициентов.

Результаты статистического анализа

Статистические закономерности представлены в табл. 2. Первые две модели отражают итоги тестирования с использованием зависимой переменной, измеренной на основе данных *UCDP*, а в двух других моделях используются для измерения данные ИМИ. Последовательно рассмотрим полученные результаты на предмет соответствия теоретическим предположениям, описывая общие статистические характеристики взаимосвязей.

Что касается невооружённого вмешательства в моделях 1–2, повышение независимости судебной власти и свободы ассоциаций снижает склонность государства к интервенции. С другой стороны, наличие сильного законодательного органа в большей степени способствует использованию практики вмешательства во внутренние дела другой страны. Электоральная конкуренция не оказывает значимого эффекта на зависимую переменную.

В моделях 1–2 при наличии у субъекта внешних стимулов в виде альянса, исторической колониальной связи и территориальной сопряжённости аналогичным образом повышается вероятность интервенции в гражданский конфликт. При введении

Таблица 2
Результаты логистической регрессии (данные *Varieties of Democracy*)

Название переменной	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
	ESD Уппсала		Факторы международного вмешательства	
Константа	-3.802***	3.983***	-5.810***	-7.243***
Внешние факторы	1.050***	1.431***	1.807***	3.468***
ВВП на душу населения интервента	0.339***	0.346***	0.203***	0.217***
Независимость судебной власти	-1.551***	-1.406***	-1.356***	-1.830***
Независимость законодательной власти	1.831***	2.487***	1.351***	3.124***
Свобода ассоциаций	-1.044***	-1.730***	2.228***	2.266***
Электоральная конкуренция	0.189	0.403	-2.074***	-1.351***
Независимость судебной власти * внешние факторы		-0.139		0.441
Независимость законодательной власти * внешние факторы		-1.837**		-2.036***
Свобода ассоциаций * внешние факторы		1.473**		-0.023
Электоральная конкуренция * внешние факторы		-0.160		-0.707
Значимость модели	<0.001***	<0.001***	<0.001***	<0.001***

Источник: составлено автором.

переменных взаимодействия в модели 2 заметно ослабление влияния законодательной ветви и свободы ассоциаций, на что указывают обратные исходным коэффициентам знаки. Соответственно, при активации большего количества структурных стимулов различия в поведении государств в меньшей степени являются следствием части внутриполитических факторов.

В случае вооружённого вмешательства в моделях 3–4 примечательно, что повышение независимости законодательной власти имеет положительное, а судебной — отрицательное влияние на вероятность интервенции, что совпадает с результатами моделей 1–2. Вместе с тем значимость различных типов политического участия отличается в зависимости от характера вмешательства — вооружённого или невооружённого. В частности, свобода ассоциаций повышает риск вооружённой интервенции, но снижает вероятность иных форм вмешательства. Электоральная конкуренция

оказывает сдерживающий эффект только на вооружённые интервенции. В равной степени эти выводы относятся к законодательной власти при введении переменной взаимодействия, при этом другие взаимосвязи остаются без изменений.

Оценим результаты на предмет соответствия гипотезам. Для гипотезы 1 были получены обратные исходному предположению свидетельства. Гипотеза 2 получила подтверждение во всех 4 моделях. Гипотеза 3 была доказана на моделях 3–4, что можно интерпретировать как частичное подтверждение. Для гипотезы 4 были получены противоположные свидетельства в моделях 1–2 и 3–4, что не позволяет сделать однозначное заключение о подтверждении или опровержении гипотезы. Для гипотезы 5 были получены частичные свидетельства в её подтверждение в моделях 2 и 4.

В следующем разделе представлено обсуждение полученных результатов, пояснён их субстантивный смысл.

Обсуждение результатов исследования

В первую очередь можно наблюдать высокую устойчивость и однозначность влияния структурных факторов на решение об интервенции. Наличие внешних стимулов относительно гражданского конфликта, как правило, повышает вероятность вмешательства со стороны третьих государств.

Внутриполитические характеристики имеют более неоднородные эффекты. С одной стороны, независимость судебной власти оказывает чаще всего сдерживающее влияние на склонность государства к вмешательству в гражданские конфликты. Наличие сильного парламента, наоборот, приводит к более частым решениям об интервенции. Несмотря на сформулированное ранее предположение, взаимосвязь между шириной полномочий законодательной власти и проведением военных операций является предметом научной дискуссий [Coticchia, Moro 2020]. С одной стороны, идеологические противоречия, существующие в парламенте, могут являться сдерживающим фактором для принятия решения об интервенции. С другой – законодательный орган может также демонстрировать тенденцию к использованию военной силы [Haesebrouck, Mello 2020]. Роль парламента в этом случае, вероятно, является следствием высокой консолидации законодательной власти относительно вопросов применения силы и одновременно её согласия с исполнительной властью, что нивелирует ограничивающий эффект.

Значимые различия были выявлены во влиянии институционализации различных форм политического участия для вооружённых и невооружённых интервенций.

Например, электоральная конкуренция, отражающая способность граждан препятственно транслировать свои политические предпочтения в рамках выборного процесса, выступает сдерживающим фактором именно в отношении вооружённого вмешательства (модели 3–4). Подобные выводы проистекают из природы военных операций, задействующих регулярные вооружённые силы. Принятие решения об

использовании регулярных войск в демократических государствах, как правило, предполагает довольно чёткую, регламентированную и публичную процедуру, что облегчает процесс формирования предпочтений, которые позже реализуются во время голосования. При этом невоенные формы вмешательства могут оставаться вне внимания большинства граждан, которые по большей части не интересуются политикой. Данное различие можно объяснить менее значимым влиянием менее публичных внешнеполитических решений на выборы, что объясняет отсутствие влияния электоральной конкуренции на вероятность невооружённых интервенций.

Общественная активность, связанная в том числе со свободой ассоциаций, оказывает неодинаковое воздействие на принятие решений о вмешательстве в зависимости от его типа. Специфика вооружённых интервенций способствует «сплочению вокруг флага». Данный эффект имеет социально-психологическое измерение, а его источником выступает восприятие группой внешней угрозы [Stephen, Ybarra, Morrison 2009]. Насильственные конфликты являются особенно эффективным способом обеспечения внутригруппового сплочения, позволяя обществу направить отрицательные эмоции на враждебную внешнюю группу. В общественном мнении эффект сплочения проявляется в виде повышенной поддержки вооружённой интервенции против враждебного государства [Mueller 1973; Stoll 1987; Brody 1991].

Военные операции, кодируемые базой ИМИ, относятся как раз к такому типу силовых актов. Тем самым общественная и институциональная консолидация снижает значимость политических сдержек и ограничителей, существующих в демократических системах. В то же время решение о невоенном вмешательстве имеет намного более низкий общественный резонанс и не производит необходимых эффектов общественного сплочения. Соответственно, различные формы политического активизма, которые могут быть связаны с дей-

ствиями отдельных высокополитизированных групп, играют скорее сдерживающую роль в подобных вопросах.

Как можно объяснить различие в эффектах институционализации различных типов политического участия на вооружённое и невооружённое вмешательство? С одной стороны, данные формы поведения отличаются уровнем политических знаний участвующих в них граждан. Согласно неотквиллианскому подходу, свобода гражданских ассоциаций формирует социальный капитал, увеличивает глубину политических знаний граждан и их политическую активность [Kaufman 1999]. Политический и гражданский активизм позволяет сильнее контролировать государственные решения. Этим обусловлен сдерживающий потенциал свободы ассоциаций на невооружённые интервенции и отсутствие такового эффекта со стороны электоральной конкуренции. В то же время политизированная природа активизма, формируемого гражданскими ассоциациями, объясняет его подверженность эффектам группового сплочения, производимым военными операциями. Таким образом, наблюдается стимулирующий эффект институционализации активизма на вооружённые интервенции. Между тем голосование и выборы отражают более стабильные и укоренённые предпочтения граждан. Соответственно, в отличие от политического активизма, электоральная конкуренция имеет сдерживающий эффект на вооружённые интервенции.

Внешние факторы, в свою очередь, имеют лишь ограниченное сдерживающее влияние на внутриполитические переменные. Структурные стимулы ограничивают воздействие законодательной власти и свободы ассоциаций на невооружённые формы вмешательства. В случае с вооружёнными интервенциями сдерживающий эффект оказывается лишь на полномочия парламента. Представляется, что внешние факторы играют равновесную роль в процессе принятия внешнеполитических решений наряду с внутриполитическими характеристиками.

* * *

Доминирующие теории международных отношений (неореализм, неолиберализм, конструктивизм) отдают приоритет структурно-системным факторам, определяющим международные явления. Тем не менее множественные эмпирические свидетельства указывают на значимую роль внутриполитических переменных во внешней политике и международных отношениях.

Настоящее исследование, опираясь на положения неоклассического реализма, интегрировало структурные и внутриполитические факторы в единую модель. С использованием институциональных аспектов теории демократического выбора были отобраны значимые внутриполитические переменные, способные оказывать влияние на вмешательство. Наличие системы разделения властей, электоральной конкуренции и свободы ассоциаций может накладывать ограничения на спектр доступных политическим элитам решений. Структурные стимулы, по предположению автора, в свою очередь, обуславливают влияние внутренней политики на внешнюю. По мере появления различных структурных стимулов, как, например, альянсов, противоречия между различными акторами внутри государства могут снижаться, а предпочтения начинают формироваться исходя из примата национальной безопасности.

За счёт эмпирического анализа, основанного на структуре данных с дифференциацией вооружённого и невооружённого вмешательства, была получена более нюансированная картина взаимосвязей. Независимость судебной власти показала устойчивый сдерживающий эффект на проведение интервенций, а повышение автономности законодательного органа, наоборот, приводит к активизации вмешательств. Влияние прочих внутриполитических факторов варьируется в зависимости от формы вмешательства в конфликт (прямое вооружённое или иное). Высокий уровень свободы ассоциаций способствует проведению военных интервенций и, наоборот,

препятствует невооружённым. Электронная демократия выступает сдерживающим фактором для вооружённого вмешательства и не является таковым для иных видов. Неоднородность влияния этих переменных можно объяснить отличиями в общественном восприятии различных типов интервенций и, в частности, консолидирующим эффектом военных операций, то есть эффектом сплочения.

Дезагрегирование институциональных показателей действительно является перспективным направлением развития исследований влияния внутренней политики на международные отношения. Институты показали довольно разнообразную структуру эффектов на внешнеполитические решения, что представляет собой расхождение с предположением об однородности эффектов, которое постулируется теорией демократического мира.

Структурные факторы продемонстрировали устойчивое стимулирующее воздействие на проведение интервенций. Тем не менее их обуславливающее влияние на внутривнутриполитические переменные оказалось достаточно ограниченным, то есть действительным не для всех институтов.

Хотя внешние стимулы оказывают заметное влияние на внешнюю политику, они не являются доминирующими компонентами при принятии внешнеполитических решений.

Следует ещё раз подчеркнуть значимость разделения типов вмешательства. Дифференциация вооружённых и невооружённых интервенций выявила различия в структурах взаимосвязей с внутренними факторами. В последующих работах допустимо использование более дезагрегированной типологии вмешательства для углубления понимания производимых ими различий.

В дальнейших исследованиях возможен учёт потенциально нелинейного характера представленных в работе взаимосвязей. Кроме того, перспективным также представляется использование альтернативных подходов к составлению структуры данных и моделированию взаимосвязей. Имеет смысл провести в дальнейшем более глубокое тестирование представленных в работе закономерностей, например с помощью опросного эксперимента для проверки эффектов различных видов политического участия.

Список литературы

- Ананьева Е.В. Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом // *Международная жизнь*. 2009. № 7. С. 16–33.
- Истомин И.А. Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблема концептуализации сущности неопределимого концепта // *Полис. Политические исследования*. 2023а. № 2. С. 120–137. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.09>
- Истомин И.А. Оправдание вмешательства? Роль «доктрины Монро» в легитимации и стигматизации интервенционизма в политике США в XIX — начале XX в. // *Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. 2023б. Т.15. № 3. С. 11–55. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55
- Коньшев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 94–111. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07>
- Крылов Н.Б. Гуманитарная интервенция: критерии правомерности применения вооружённой силы // *Евразийский юридический журнал*. 2012. № 12. С. 37–40.
- Кулагин В.М. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный Pax democratica (Гипотеза “демократического мира” в контексте альтернатив мирового развития) // *Полис. Политические исследования*. 2000. № 1. С. 23.
- Кулагин В.М. Режимный фактор во внешней политике постсоветских государств // *Полис. Политические исследования*. 2004. № 1. С. 115–124.
- Мустафина В., Мальцев А. Военная сила государства-посредника и урегулирование вооружённых конфликтов // *Международные процессы*. 2023. Т. 21. № 4. С. 6–40.
- Никитин А.И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016а. Т. 60. № 3. С. 16–26. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-3-16-26

- Никитин А.И. Новое в принципах и практике миротворческой деятельности международных организаций // Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное нераспространение: 70 лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки / Под ред. А.И. Никитина, П.А. Корзуна. М.: ИМЭМО РАН, 2016б. С. 69–73.
- Никитин А.И. Участие России в международном миротворчестве и перспективы его реформирования // Индекс Безопасности. 2011. Т. 17. № 2. С. 105–111.
- Окунева Е.С. Критика теории «демократического мира»: от реализма к конструктивизму // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. № 6. С. 6–9.
- Орлова И.А. Современный правовой режим применения силы в международных отношениях // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2017. № 2. С. 50–56.
- Романова Т.А. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 3. С. 8–21.
- Сафранчук И.А. Вооружённое вмешательство как основной способ применения государствами силы в современных международных отношениях (составление базы данных и качественно-количественный анализ на её основе). Отчет о НИР/НИОКР. Гр. 22-18-00664, 2022.
- Сафранчук И.А. Вооружённое вмешательство как основной способ применения государствами силы в современных международных отношениях (составление базы данных и качественно-количественный анализ на её основе). Отчет о НИР/НИОКР. Гр. 22-18-00664, 2023.
- Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // Полис. Политические исследования. 2021б. № 4. С. 14–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.03>
- Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. 2021а. №3. С. 57–76. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.05>
- Сафранчук И.А., Несмашный А.Д., Чернов Д.Н. Подвижная карта восприятия // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 90–102. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-90-102>
- Скулакова Р.М. Гуманитарная интервенция и миротворческая операция как инструменты предотвращения вооружённых конфликтов (о некоторых современных военных проблемах международного права) // Военное право. 2015. № 1. С. 252–269.
- Сучков М.А. Иностранное вмешательство во внутренние дела как форма межгосударственного противоборства: от типов действия к концептуализации мотивации // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 8–23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.02>
- Худайкулова А.В. Миротворчество ООН в XXI веке: основные векторы реформ по повышению эффективности миротворческих операций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 109–126 DOI: 10.31429/26190567-20-4-109-126
- Чернов Д.Н. База данных вооружённого вмешательства: многофакторный подход. XXIV Ясинская (Апрельская) международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: НИУ ВШЭ, 2023.
- Чернов Д.Н., Зиновьева Е.С., Аров С.А., Комарова Е.С. Постконфликтная фаза вооружённой интервенции // Сравнительная политика. 2023. Т. 14. № 4. С. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2023-4-14-120-135>
- Чернявский А.Г. Гуманитарное вмешательство в международные отношения и его международно-правовая легитимность // Военное право. 2021. № 4. С. 315–323.
- Чеснаков А.А., Пареньков Д.А. Ощетинившиеся акторы // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 82–102. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-82-102
- Шайембетова Ж.К. Концепция гуманитарной интервенции и действующее международное право // Московский журнал международного права. 2009. № 3. С. 62–78. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2009-3-62-78>
- Berkowitz B.D. Level of analysis problems in international relations. // International Interactions. 1986. Vol. 12. No. 3. P. 199–227. <https://doi.org/10.1080/03050628608434656>
- Bove V., Böhmelt T. International Migration and Military Intervention in Civil War // Political Science Research and Methods. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 271–287. DOI: <https://doi.org/10.1017/psrm.2017.22>
- Bove V., Gleditsch K.S., Sekeris P.G. Oil above Water': Economic Interdependence and Third-Party Intervention // Journal of Conflict Resolution. 2016. Vol. 60. No. 7. P. 1251–1277. <https://doi.org/10.1177/0022002714567952>
- Brody R.A. Assessing the President: the media, elite opinion, and public support. Redwood city: Stanford University Press, 1992. 198 p.
- Chernov D.N., Nesmashnyi A.D., Tekin O., Igityan A.A. Counterintervention success: Analyzing Russian and US involvement in Syrian crisis // Comparative Politics. Russia. 2023. Vol. 14. No. 1–2. P. 149–163. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-149-163>

- Chu J.A., Recchia S.* Does Public Opinion Affect the Preferences of Foreign Policy Leaders? Experimental Evidence from the UK Parliament // *Journal of Politics*. 2022. Vol. 84. No. 3. P. 1874–1877. <https://doi.org/10.1086/719007>
- Coppedge M., Gerring J., Glynn A., Knutsen C. H., Lindberg S.I., Pemstein D., Seim B., Skaaning S-E., Teorell J.* Varieties of Democracy: Measuring Two Centuries of Political Change. New York: Cambridge University Press, 2020. 246 p. <https://doi.org/10.1017/9781108347860>
- Corbetta R., Melin M.* Exploring the Threshold between Conflict Management and Joining in Biased Interventions // *Journal of Conflict Resolution*. 2018. Vol. 62. No. 10. P. 2205–2231. <https://doi.org/10.1177/0022002717720754>
- Coticchia F., Moro F.N.* Peaceful legislatures? Parliaments and military interventions after the Cold War: Insights from Germany and Italy // *International Relations*. 2020. Vol. 34. No. 4. P. 482–503. <https://doi.org/10.1177/004711781990025>
- van Deth J.W.* A conceptual map of political participation // *Acta Politica*. 2014. Vol. 49. No. 3. P. 349–367. <https://doi.org/10.1057/ap.2014.6>
- Dietrich S., Hummel H., Marschall S.* Bringing democracy back in: The democratic peace, parliamentary war powers and European participation in the 2003 Iraq War // *Cooperation and Conflict*. 2015. Vol. 50. No. 1. P. 87–106. <https://doi.org/10.1177/001083671454568>
- Dueck C.* Neoclassical realism and the national interest: presidents, domestic politics, and major military interventions // *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy* / ed. by S. E. Lobell, N. M. Ripsman, J. W. Taliaferro. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 139–169. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511811869.005>
- Fearon J.D.* Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes // *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88. No. 3. P. 577–592. DOI: <https://doi.org/10.2307/2944796>
- Fearon J.D.* Domestic Politics, Foreign Policy and Theories of International Relations // *Annual Review of Political Science*. 1998. Vol. 1. No. 1. P. 289–313. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.1.1.289>
- Findley M., Marineau J.* Lootable Resources and Third-Party Intervention into Civil Wars // *Conflict Management and Peace Science*. 2015. Vol. 32. No. 5. P. 465–486. <https://doi.org/10.1177/0738894214530828>
- Findley M., Teo T.* Rethinking Third-Party Interventions into Civil Wars: An Actor-Centric Approach // *Journal of Politics*. 2006 Vol. 68. No. 4. P. 828–837. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2006.00473.x>
- Foulon M.* Neoclassical Realism: Challengers and Bridging Identities // *International Studies Review*. 2015. Vol. 17. No. 4. P. 635–661. <https://doi.org/10.1111/misr.12255>
- Goldman O.S., Abulof U.* Democracy for the rescue—of dictators? The role of regime type in civil war interventions // *Contemporary Security Policy*. 2016. Vol. 37. No. 3. P. 341–368. <https://doi.org/10.1080/13523260.2016.1228033>
- Haesebrouck T.* Democratic Participation in the Air Strikes Against Islamic State: A Qualitative Comparative Analysis // *Foreign Policy Analysis*. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 254–275. <https://doi.org/10.1093/fpa/orw035>
- Haesebrouck T., Mello P.A.* Patterns of Political Ideology and Security Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2020. Vol. 16. No. 4. P. 565–586. <https://doi.org/10.1093/fpa/oraa006>
- Hensel P., Mitchell S.* The Issue Correlates of War (ICOW) Project Supplementary Data Set: Colonial History Data Set. Boston: Harvard Dataverse, 2007. <https://doi.org/10.7910/DVN/5EMETG>
- Istomin I.A.* Military Deterrence vs Foreign Interference: Record of the Cold War // *MGIMO Review of International Relations*. 20236. Vol. 16. No. 1. P. 106–129. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olf4>
- Jackson V.* Understanding spheres of influence in international politics // *European Journal of International Security*. 2020. Vol. 5. No. 3. P. 255–273. DOI: <https://doi.org/10.1017/eis.2019.21>
- Kathman J.* Civil War Contagion and Neighboring Interventions: Civil War Contagion // *International Studies Quarterly*. 2010. Vol. 54. No. 4. P. 989–1012. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2010.00623.x>
- Kathman J.* Civil War Diffusion and Regional Motivations for Intervention // *Journal of Conflict Resolution*. 2011. Vol. 55. No. 6. P. 847–876. <https://doi.org/10.1177/0022002711408009>
- Kaufman J.* Three Views of Associationalism in 19th-Century America: An Empirical Examination. // *American Journal of Sociology*. 1999. Vol. 104. No. 5. P. 1296–1345.
- Kesgin B., Kaarbo J.* When and How Parliaments Influence Foreign Policy: The Case of Turkey's Iraq Decision // *International Studies Perspectives*. 2010. Vol. 11. No. 1. P. 19–36. <https://doi.org/10.1111/j.1528-3585.2009.00390.x>
- Klosek K.* Military Interventions in Civil Wars: Protecting Foreign Direct Investments and the Defence Industry // *Civil Wars*. 2020. Vol. 22. No. 1. P. 87–113. <https://doi.org/10.1080/13698249.2020.1724726>

- Koga J.* Where Do Third Parties Intervene? Third Parties' Domestic Institutions and Military Interventions in Civil Conflicts // *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55. No. 4. P. 1143–1166. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00684.x>
- Leeds B., Ritter J., Mitchell S., Long A.* Alliance Treaty Obligations and Provisions, 1815–1944 // *International Interactions*. 2002. Vol. 28. No. 3. P. 237–260. <https://doi.org/10.1080/03050620213653>
- Levy J., Thompson W.* Causes of War. New Jersey: Wiley-Blackwell, 2010. 288 p.
- Levy J.S.* Domestic Politics and War // *Journal of Interdisciplinary History*. 1988. Vol. 18. No. 4. P. 653–673.
- Maoz Z., Russett B.* Normative and Structural Causes of Democratic Peace, 1946–1986 // *American Political Science Review*. 1993. Vol. 87. No. 3. P. 685. DOI: <https://doi.org/10.2307/2938740>
- Meier V., Karlén N., Pettersson T., Croicu M.* External Support in Armed Conflicts: Introducing the UCDP External Support Dataset (ESD), 1975–2017 // *Journal of Peace Research*. 2022. Vol. 60. No. 3. P. 545–554. <https://doi.org/10.1177/00223433221079864>
- de Mesquita B.B., Siverson R.M.* War and the Survival of Political Leaders: A Comparative Study of Regime Types and Political Accountability // *American Political Science Review*. 1995. Vol. 89. No. 4. P. 841–855. doi:10.2307/2082512
- Morrow J.D.* Alliances: Why Write Them Down? // *Annual Review of Political Science*. 2000. Vol. 3. No. 1. P. 63–83. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.3.1.63>
- Mueller J.E.* War, presidents, and public opinion. New York: Wiley, 1973. 300 p.
- Neoclassical realism, the state, and foreign policy / ed. by S. E. Lobell, N. M. Ripsman, J. W. Taliaferro. New York: Cambridge University Press, 2009. 310 p.
- Pearson F.S.* Geographic Proximity and Foreign Military Intervention // *The Journal of Conflict Resolution*. 1974. Vol. 18. No. 3. P. 432–460. <https://doi.org/10.1177/002200277401800304>
- Przeworski A.* Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. New York: Cambridge University Press, 1991. 228 p.
- Rathbun B.* A Rose by Any Other Name: Neoclassical Realism as the Logical and Necessary Extension of Structural Realism // *Security Studies*. 2008. Vol. 17. No. 2. P. 294–321. <https://doi.org/10.1080/09636410802098917>
- Safranchuk I.A., Sushentsov A.A.* The Intervention that Originated the Post-Cold War Order // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22. No. 2. P. 10–27. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-2-10-27
- Safranchuk I., Nesmashnyi A., Chernov D.N.* Africa and the Ukraine Crisis: Exploring Attitudes // *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. No. 3. P. 159–180. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-3-159-180>
- Sakstrup C., Tolstrup J.* To Intervene or Not to Intervene? Democratic Constraints on Third-Party Support in Civil Wars // *Government and Opposition*. 2022. Vol. 57. No. 1. P. 126–147. DOI: <https://doi.org/10.1017/gov.2020.19>
- Salehyan I., Gleditsch K., Cunningham D.* Explaining External Support for Insurgent Groups // *International Organization*. 2011. Vol. 65. No. 4. P. 709–744. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818311000233>
- Singer J.D.* The Level-of-Analysis Problem in International Relations // *World Politics*. 1961. Vol. 14. No. 1. P. 77–92. <https://doi.org/10.2307/2009557>
- Singer J.D.* The “Correlates of War” Project: Interim Report and Rationale. // *World Politics*. 1972. Vol. 24. No. 2. P. 243–270. <https://doi.org/10.2307/2009738>
- Schumpeter J.A.* Capitalism, Socialism, and Democracy. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2008. 431 p.
- Schultz K.A.* Do Democratic Institutions Constrain or Inform? Contrasting Two Institutional Perspectives on Democracy and War // *International Organization*. 1999. Vol. 53. No. 2. P. 233–266. DOI: <https://doi.org/10.1162/002081899550878>
- Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R.* Intergroup threat theory // *Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination* / ed. by T. D. Nelson. London: Psychology Press, 2009. P. 43–59.
- Stojek S., Mwita C.* Adding Trade to the Equation: Multilevel Modeling of Biased Civil War Interventions // *Journal of Peace Research*. 2015. Vol. 52. No. 2. P. 228–242. <https://doi.org/10.1177/002234331456140>
- Stoll R.J.* The Sound of the Guns: Is There a Congressional Rally Effect after U.S. Military Action? // *American Politics Quarterly*. 1987. Vol. 15. No. 2. P. 223–237. <https://doi.org/10.1177/004478087015002002>
- Taliaferro J.W.* Security Seeking under Anarchy: Defensive Realism Revisited // *International Security*. 2001. Vol. 25. No. 3. P. 128–161. DOI: 10.1162/016228800560543
- Temby D.* What are levels of analysis and what do they contribute to international relations theory? // *Cambridge Review of International Affairs*. 2013. Vol. 28. No. 4. P. 721–742. <https://doi.org/10.1080/09557571.2013.831032>

- Vanhanen T.A. New Dataset for Measuring Democracy, 1810–1998. // *Journal of Peace Research*. 2000. Vol. 37. No. 2. P. 251–265. <https://doi.org/10.1177/0022343300037002008>
- Wagner W. Is there a parliamentary peace? Parliamentary veto power and military interventions from Kosovo to Daesh // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2018. Vol. 20. No. 1. P. 121–134. <https://doi.org/10.1177/1369148117745859>
- Walt S.M. *The Origins of Alliances*. New York: Cornell University Press, 1987. 321 p.
- Waltz K. Neorealism: Confusions and criticisms // *Journal of Politics and Society*. 2004. Vol. 15. No. 1. P. 2–6.
- Waltz K. *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill, 1979. 251 p.

INTERVENTION IN CIVIL CONFLICTS

*THE BALANCE OF DOMESTIC POLITICS AND STRUCTURAL FACTORS**

DANIIL CHERNOV

HSE University, Moscow, 101000, Russia

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

With the rise in civil conflicts, third-party interventions aimed at protecting and advancing national interests have become common. However, despite potential benefits, such interventions can result in negative reputational and material consequences for the intervening party. As such, decisions to intervene may often confront domestic political constraints. This study integrates the institutional aspect of democratic peace theory and neoclassical realism to examine internal and structural factors that influence the decision to intervene. Theoretically, enhanced democratic institutions are expected to produce a moderating effect on intervention, but this effect is sidelined when structural incentives take hold. To test these assumptions, a wide range of data sources are utilized, including the Uppsala Conflict Data Program (UCDP) External Support Dataset and the International Military Intervention Correlates (IMIC) developed at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO). Using these two datasets, the author proposes to separate military and non-military interventions in order to test for potential differences in effects that characteristics of political systems may have on them. Varieties of Democracy data are employed to measure institutional characteristics. The analysis reveals heterogeneous effects of different aspects of institutional design on the propensity to intervene. The author suggests that the differences in effects could be attributed to variations in institutional specifics, public reactions, and types of intervention. Specifically, military interventions as a result of their publicity and overtness produce special short-term and long-term public opinion dynamics that are reflected in different effects of various forms of political behavior. Structural incentives consistently increase the likelihood of intervention, though they only partially mitigate the impact of differences in institutional characteristics.

Keywords:

military intervention; civil conflicts; democratic peace theory; institutions; neoclassical realism; structural factors

* The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22–18–00664, <https://rscf.ru/project/22-18-00664/>.

References

- Ananieva E.V. (2009). Problemy gumanitarnoy interventsii i zashchity grazhdan za rubezhom [Problems of humanitarian intervention and protection of citizens abroad]. *International Affairs*. No. 7. P. 16–33.
- Berkowitz B.D. (1986). Level of analysis problems in international relations. *International Interactions*. Vol. 12. No. 3. P. 199–227. <https://doi.org/10.1080/03050628608434656>
- Bove V., Böhmelt T. (2019). International Migration and Military Intervention in Civil War. *Political Science Research and Methods*. Vol. 7. No. 2. P. 271–287. <https://doi.org/10.1017/psrm.2017.22>
- Bove V., Gleditsch K.S., Sekeris P.G. (2016). Oil above Water': Economic Interdependence and Third-Party Intervention. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. No. 7. P. 1251–1277. <https://doi.org/10.1177/0022002714567952>
- Brody R.A. (1992). *Assessing the President: The media, elite opinion, and public support*. Redwood City: Stanford University Press. 198 p.
- Cherniavskiy A.G. (2021). Gumanitarnoe vmeshatel'stvo v mezhdunarodnye otnosheniia i ego mezhdunarodno-pravovaia legitimnost' [Humanitarian intervention in international relations and its international legal legitimacy]. *Military Law*. No. 4. P. 315–323.
- Chernov D.N. (2023). Baza dannykh vooruzhennogo vmeshatel'stva: mnogofaktornyi podkhod [Database of Military Interventions: a Multi-Factor Approach]. XXIV Yasin (April) International Academic Conference on Economic and Social Development. Moscow: HSE.
- Chernov D.N., Nesmashnyi A.D., Tekin O., Igityan A.A. (2023). Counterintervention success: Analyzing Russian and US involvement in Syrian crisis. *Comparative Politics*. Russia. Vol. 14. No. 1–2. P. 149–163. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-149-163>
- Chernov D.N., Zinovieva E.S., Komarova E.S., Arov S.A. (2023). Postkonfliktnaia faza vooruzhennoi interventsii [Post-Conflict Phase of Armed Intervention]. *Comparative Politics Russia*. Vol. 14. No. 4. P. 120–135. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2023-4-14-120-135>
- Chesnakov A.A., Parenkov D.A. (2024). Oshchetinivshiesia aktory [Bristling actors]. *Russia in Global Affairs*. Vol. 22. No. 3. P. 82–102. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-82-102
- Chu J.A., Recchia S. (2022). Does Public Opinion Affect the Preferences of Foreign Policy Leaders? Experimental Evidence from the UK Parliament. *Journal of Politics*. Vol. 84. No. 3. P. 1874–1877. <https://doi.org/10.1086/719007>
- Coppedge M., Gerring J., Glynn A., Knutsen C. H., Lindberg S. I., Pemstein D., Seim B., Skaaning S-E., Teorell J. (2020). *Varieties of Democracy: Measuring Two Centuries of Political Change*. New York: Cambridge University Press. 246. p. <https://doi.org/10.1017/9781108347860>
- Corbetta R., Melin M. (2018). Exploring the Threshold between Conflict Management and Joining in Biased Interventions. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 62. No. 10. P. 2205–2231. <https://doi.org/10.1177/0022002717720754>
- Coticchia F., Moro F. N. (2020). Peaceful legislatures? Parliaments and military interventions after the Cold War: Insights from Germany and Italy. *International Relations*. Vol. 34. No. 4. P. 482–503. <https://doi.org/10.1177/0047117819900250>
- van Deth J.W. (2014). A conceptual map of political participation. *Acta Politica*. Vol. 49. No. 3. P. 349–367. <https://doi.org/10.1057/ap.2014.6>
- Dietrich S., Hummel H., Marschall S. (2015). Bringing democracy back in: The democratic peace, parliamentary war powers and European participation in the 2003 Iraq War. *Cooperation and Conflict*. Vol. 50. No. 1. P. 87–106. <https://doi.org/10.1177/0010836714545687>
- Dueck C. (2009). *Neoclassical realism and the national interest: Presidents, domestic politics, and major military interventions*. In: S.E. Lobell, N.M. Ripsman, J.W. Taliaferro (eds) *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*. New York: Cambridge University Press. P. 139–169. <https://doi.org/10.1017/CBQ9780511811869.005>
- Fearon J.D. (1998). Domestic Politics, Foreign Policy and Theories of International Relations. *Annual Review of Political Science*. Vol. 1. No. 1. P. 289–313. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.1.1.289>
- Fearon J.D. (1994). Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes. *American Political Science Review*. Vol. 88. No. 3. P. 577–592. <https://doi.org/10.2307/2944796>
- Findley M., Marineau J. (2015). Lutable Resources and Third-Party Intervention into Civil Wars. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 32. No. 5. P. 465–486. <https://doi.org/10.1177/0738894214530828>
- Findley M., Teo T. (2006). Rethinking Third-Party Interventions into Civil Wars: An Actor-Centric Approach. *Journal of Politics*. Vol. 68. No. 4. P. 828–837. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2006.00473.x>
- Foulon M. (2015). Neoclassical Realism: Challengers and Bridging Identities. *International Studies Review*. Vol. 17. No. 4. P. 635–661. <https://doi.org/10.1111/misr.12255>

- Goldman O., Abulof U. (2016). Democracy for the Rescue—of Dictators? The Role of Regime Type in Civil War Interventions. *Contemporary Security Policy*. Vol. 37. No. 3. P. 341–368. <https://doi.org/10.1080/13523260.2016.1228033>
- Haesebrouck T. (2016). Democratic Participation in the Air Strikes Against Islamic State: A Qualitative Comparative Analysis. *Foreign Policy Analysis*. Vol. 14. No. 2. P. 254–275. <https://doi.org/10.1093/fpa/orw035>
- Haesebrouck T., Mello P.A. (2020). Patterns of Political Ideology and Security Policy. *Foreign Policy Analysis*. Vol. 16. No. 4. P. 565–586. <https://doi.org/10.1093/fpa/oraa006>
- Hensel P., Mitchell S. (2007). *The Issue Correlates of War (ICOW) Project Supplementary Data Set: Colonial History Data Set*. Boston: Harvard Databverse. <https://doi.org/10.7910/DVN/5EMETG>
- Istomin I.A. (2023a). Inostrannoe vmeshatel'stvo vo vnutrennie dela: problematizatsiia sushchnostno neopredelimoogo kontsepta [Foreign interference in internal affairs: deconstruction of an essentially indeterminate concept]. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 120–137. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02>
- Istomin I.A. (2023b). Military Deterrence vs Foreign Interference: Record of the Cold War. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 16. No. 1. P. 106–129. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olfa>
- Istomin I.A. (2023c). Opravdanie vmeshatel'stva? Rol' «doktriny Monro» v legitimatsii i stigmatizatsii interentsionizma v politike SShA v XIX — nachale XX v. [Justification for Interference? The Role of the Monroe Doctrine in the Stigmatization and Legitimation of Intervention in the US Foreign Policy in the 19th and Early 20th Centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 25. Mezdunarodnye otnosheniia i mirovaa politika*. Vol. 15. No. 3. P. 11–55. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55>
- Jackson V. (2020). Understanding spheres of influence in international politics. *European Journal of International Security*. Vol. 5. No. 3. P. 255–273. <https://doi.org/10.1017/eis.2019.21>
- Kathman J. (2010). Civil War Contagion and Neighboring Interventions: Civil War Contagion. *International Studies Quarterly*. Vol. 54. No. 4. P. 989–1012. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2010.00623.x>
- Kathman J. (2011). Civil War Diffusion and Regional Motivations for Intervention. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 55. No. 6. P. 847–876. <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0022002711408009>
- Kaufman J. (1999). Three Views of Associationalism in 19th-Century America: An Empirical Examination. *American Journal of Sociology*. Vol. 104. No. 5. P. 1296–1345.
- Kesgin B., Kaarbo J. (2010). When and How Parliaments Influence Foreign Policy: The Case of Turkey's Iraq Decision. *International Studies Perspectives*. Vol. 11. No. 1. P. 19–36. <https://doi.org/10.1111/j.1528-3585.2009.00390.x>
- Khudaykulova A.V. (2019). Mirotvorchestvo OON v XXI veke osnovnye vektory reform po povysheniiu effektivnosti mirotvorcheskikh operatsii [UN Peacekeeping in The 21st Century: Key Vectors Of Reforms to Improve Effectiveness Of Peacekeeping Operations]. *South-Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 20. No. 4. P. 109–126. DOI: 10.31429/26190567-20-4-109-126
- Klosek K. (2020). Military Interventions in Civil Wars: Protecting Foreign Direct Investments and the Defence Industry. *Civil Wars*. Vol. 22. No. 1. P. 87–113. <https://doi.org/10.1080/13698249.2020.1724726>
- Koga J. (2011). Where Do Third Parties Intervene? Third Parties' Domestic Institutions and Military Interventions in Civil Conflicts. *International Studies Quarterly*. Vol. 55. No. 4. P. 1143–1166. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00684.x>
- Kreps S. (2010). Elite Consensus as a Determinant of Alliance Cohesion: Why Public Opinion Hardly Matters for NATO-Led Operations in Afghanistan. *Foreign Policy Analysis*. Vol. 6. No. 3. P. 191–215. <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2010.00108.x>
- Krylov N.B. (2012). Gumanitarnaia interventsiiia kriterii pravomernosti primeneniia vooruzhennoi sily [Humanitarian intervention: criteria for the legitimate use of military force]. *Eurasian Law Journal*. No. 12. P. 37–40.
- Kulagin V.M. (2000). Mir v XXI veke mnogopoliusnyi balans sil ili globalnyi Pax democratica (Gipoteza demokraticeskogo mira v kontekste alternativ mirovogo razvitiia) [The world in the 21st century: a multipolar balance of power or global Pax democratica (The “democratic peace” hypothesis in the context of alternatives to world development)]. *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 23.
- Kulagin V.M. (2004). Rezhimnyi faktor vo vneshnei politike postsovetских gosudarstv [Regime factor in the foreign policy of post-Soviet states]. *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 115–124.
- Leeds B., Ritter J., Mitchell S., Long A. (2002). Alliance Treaty Obligations and Provisions, 1815–1944. *International Interactions*. Vol. 28. No. 3. P. 237–260. <https://doi.org/10.1080/03050620213653>

- Levy J.S. (1988). Domestic Politics and War. *Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 18. No. 4. P. 653–673. <https://doi.org/10.2307/204819>
- Levy J., Thompson W. (2010). *Causes of War*. New Jersey: Wiley-Blackwell. 288 p.
- Lobell S. E., Ripsman N. M., Taliaferro J. W. (eds) (2009). *Neoclassical realism, the state, and foreign policy*. New York: Cambridge University Press. 310 p.
- Maao Z., Russett B. (1993). Normative and Structural Causes of Democratic Peace, 1946–1986. *American Political Science Review*. Vol. 87. No. 3. P. 624–638. <https://doi.org/10.1017/S0003055406402562>
- Meier V., Karlén N., Pettersson T., Croicu M. (2022). External Support in Armed Conflicts: Introducing the UCDP External Support Dataset (ESD), 1975–2017. *Journal of Peace Research*. Vol. 60. No. 3. P. 545–554. <https://doi.org/10.1177/00223433221079864>
- de Mesquita B. B., Siverson R. M. (1995). War and the Survival of Political Leaders: A Comparative Study of Regime Types and Political Accountability. *American Political Science Review*. Vol. 89. No. 4. P. 841–855. <https://doi.org/10.2307/2082512>
- Morrow J.D. (2000). Alliances: Why Write Them Down? *Annual Review of Political Science*. Vol. 3. No. 1. P. 63–83. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.3.1.63>
- Mueller J.E. (1973). *War, presidents, and public opinion*. New York: Wiley. 300 p.
- Mustafina V., Maltsev A. (2023). The Influence of Mediator Military Power on Armed Conflicts Resolution. *International Trends*. Vol. 21. No. 4. P. 6–40. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.4.75.8>
- Nikitin A.I. (2011). Uchastie Rossii v mezhdunarodnom mirotvorchestve i perspektivy ego reformirovaniia [Russia's participation in international peacekeeping and prospects for its reform]. *Security Index*. Vol. 17. No. 2. P. 105–111.
- Nikitin A.I. (2016a). Mirotvorchestvo OON obnovenie printsipov reformirovanie praktiki [United Nations peace operations: reconsidering the principles, reforming the practice]. *World Economy and International Relations*. Vol. 60. No. 3. P. 16–26. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-3-16-26
- Nikitin A.I. (2016b). Novoe v printsipakh i praktike mirotvorcheskoi deiatelnosti mezhdunarodnykh organizatsii [New aspects in principles and practice of peace operations of international organizations]. In: A.I. Nikitin, P.A. Korzun (eds) *Mezhdunarodnaia bezopasnost kontrol nad vooruzheniimi i iadernoe nerasprostranenie: 70 let posle atomnykh bombardirovok Khirosimy i Nagasaki*. Moscow: IMEMO RAS. P. 69–73.
- Okuneva E.S. (2015). Kritika “teorii demokratcheskogo mira” ot realizma k konstruktivizmu [Critics of Democratic Peace Theory: From Realism to Constructivism]. *Comparative Politics*. Russia. Vol. 6. No. 6. P. 6–9.
- Orlova I.A. (2017). Sovremennyi pravovoy rezhim primeneniia sily v mezhdunarodnykh otnosheniakh [Modern Legal Regime Use of Force in International Relations.]. *Eurasian Integration: economics, law, politics*. No. 2. P. 50–56.
- Pearson F.S. (1974). Geographic Proximity and Foreign Military Intervention. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 18. No. 3. P. 432–460. <https://doi.org/10.1177/002200277401800304>
- Przeworski A. (1991). *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. New York: Cambridge University Press. 228 p.
- Rathbun B. (2008). A Rose by Any Other Name: Neoclassical Realism as the Logical and Necessary Extension of Structural Realism. *Security Studies*. Vol. 17. No. 2. P. 294–321. <https://doi.org/10.1080/09636410802098917>
- Romanova T.A. (2012). O neoklassicheskom realizme i sovremennoi Rossii [On neoclassical realism and modern Russia]. *Russia in Global Affairs*. Vol. 10. No. 3. P. 8–21.
- Safranchuk I.A. (2022) Vooruzhennoe vmeshatel'stvo kak osnovnoi sposob primeneniia gosudarstvami sily v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh (sostavlenie bazy dannykh i kachestvenno-kolichestvennyi analiz na ee osnove [Military intervention as the main form of use of force by a state in contemporary international relations (database creation, quantitative and qualitative analysis on its basis)]. R&D report. Grant No. 22-18-00664.
- Safranchuk I.A. (2023) Vooruzhennoe vmeshatel'stvo kak osnovnoi sposob primeneniia gosudarstvami sily v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh (sostavlenie bazy dannykh i kachestvenno-kolichestvennyi analiz na ee osnove [Military intervention as the main form of use of force by a state in contemporary international relations (database creation, quantitative and qualitative analysis on its basis)]. R&D report. Grant No. 22-18-00664.
- Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. (2021a) Sovremennyi mirovoi poriadok strukturnye realii i sopernichestvo velikikh derzhav [The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalries]. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 57–76. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.05>
- Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. (2021b). Sovremennyi mirovoi poriadok adaptatsiia aktorov k strukturnym realiiam [The Contemporary World Order: The Adaptation of Actors to Structural Realities]. *Polis. Political Studies*. No. 4. C. 14–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.03>

- Safranchuk I., Nesmashnyi A., Chernov, D.N. (2023). Podvizhnaia karta vospriatiia [A changing map of perception]. *Russia in Global Affairs*. Vol. 21. No. 3. P. 159–180. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-90-102>
- Safranchuk I., Nesmashnyi A., Chernov, D.N. (2023). Africa and the Ukraine Crisis: Exploring Attitudes. *Russia in Global Affairs*. Vol. 21. No. 3. P. 159–180. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-3-159-180>
- Safranchuk I.A., Sushentsov A.A. (2024). The Intervention that Originated the Post-Cold War Order. *Russia in Global Affairs*. Vol. 22. No. 2. P. 10–27. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-2-10-27
- Sakstrup C., Tolstrup J. (2022). To Intervene or Not to Intervene? Democratic Constraints on Third-Party Support in Civil Wars. *Government and Opposition*. Vol. 57. No. 1. P. 126–147. <https://doi.org/10.1017/gov.2020.19>
- Salehyan I., Gleditsch K., Cunningham D. (2011). Explaining External Support for Insurgent Groups. *International Organization*. Vol. 65. No. 4. P. 709–744. <https://doi.org/10.1017/S0020818311000233>
- Singer J.D. (1961). The Level-of-Analysis Problem in International Relations. *World Politics*. Vol. 14. No. 1. P. 77–92. <https://doi.org/10.2307/2009557>
- Singer J.D. (1972). The “Correlates of War” Project: Interim Report and Rationale. *World Politics*. Vol. 24. No. 2. P. 243–270. <https://doi.org/10.2307/2009738>
- Schumpeter J.A. (2008). *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York: Harper Perennial Modern Classics. 431 p.
- Schultz K.A. (1999). Do Democratic Institutions Constrain or Inform? Contrasting Two Institutional Perspectives on Democracy and War. *International Organization*. Vol. 53. No. 2. P. 233–266. <https://doi.org/10.1162/002081899550878>
- Skulakova R.M. (2015). Gumanitarnaia interventsiiia i mirotvorcheskaia operatsiia kak instrumenty predotvrashcheniia vooruzhennykh konfliktov (o nekotorykh sovremennykh voennykh problemakh mezhdunarodnogo prava) [Humanitarian intervention and peacekeeping operations as tools for preventing armed conflicts (on some modern military problems of international law)]. *Military Law*. No. 1. P. 252–269.
- Smith S. (1986). Theories of Foreign Policy: An Historical Overview. *Review of International Studies*. Vol. 12. No. 1. P. 13–29. <https://doi.org/10.1017/S026021050011410X>
- Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R. (2009). Intergroup threat theory. In: T. D. Nelson (ed.) *Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination*. London: Psychology Press. P. 43–59.
- Stojek S., Mwita C. (2015). Adding Trade to the Equation: Multilevel Modeling of Biased Civil War Interventions. *Journal of Peace Research*. Vol. 52. No. 2. P. 228–242. <https://doi.org/10.1177/0022343314561406>
- Stoll R.J. (1987). The Sound of the Guns: Is There a Congressional Rally Effect after U.S. Military Action? *American Politics Quarterly*. Vol. 15. No. 2. P. 223–237. <https://doi.org/10.1177/004478087015002002>
- Suchkov M.A. (2024). Inostrannoe vmeshatel'stvo vo vnutrennie dela kak forma mezhdgosudarstvennogo protivoborstva: ot tipov deistviia k kontseptualizatsii motivatsii [Foreign interventions in internal affairs as a form of international struggle: from types of action to motivation conceptualization]. *Polis. Political Studies*. 2024. No. 3. P. 8–23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.02>
- Taliaferro J.W. (2001). Security Seeking under Anarchy: Defensive Realism Revisited. *International Security*. Vol. 25. No. 3. P. 128–161. <https://doi.org/10.1162/016228800560543>
- Temby O. (2013). What are levels of analysis and what do they contribute to international relations theory? *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 28. No. 4. P. 721–742. <https://doi.org/10.1080/09557571.2013.831032>
- Vanhanen T. A. (2000). New Dataset for Measuring Democracy, 1810–1998. *Journal of Peace Research*. Vol. 37. No. 2. P. 251–265. <https://doi.org/10.1177/0022343300037002008>
- Wagner W. (2018). Is there a parliamentary peace? Parliamentary veto power and military interventions from Kosovo to Daesh. *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 20. No. 1. P. 121–134. <https://doi.org/10.1177/1369148117745859>
- Walt S. M. (2007). *The Origins of Alliances*. New York: Cornell University Press. 336 p.
- Waltz K. (1979). *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill. 251 p.
- Waltz K. (2004). Neorealism: Confusions and criticisms. *Journal of Politics and Society*. Vol. 15. No. 1. P. 2–6.